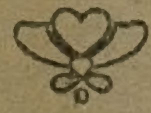
Украинская Партия Левых Социалистов-Революционеров (борьбистов).

В борьбе обретешь ты право свое!

Вл. Качинский.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
и
ТРУДОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО.

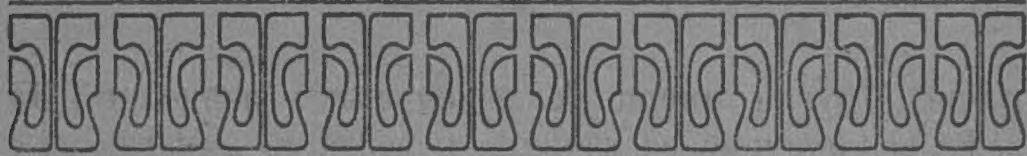
Цена 4 руб.

Издательство „БОРЬБА“.

Кіевъ, 1920 г.

КИЕВ.
Типография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°. Караваевская, 5.
1920.

Социалистическая революция и трудовое крестьянство.

1. Наша революция.

Революционные взрывы не раз потрясали общественную жизнь различных народов. Революционные пожары многократно пылали то в одной, то в другой стране. В Европе, например, не найдешь ни одной хотя бы самой маленькой страны, где бы не было революции. По своему значению для жизни отдельных народов и всего человечества различные революции не одинаковы. Одни из них были подобны урагану, который налетал на страну, глубоко взбаламучивал ее общественную жизнь и затем перекидывался в другие страны, где производил такое же или подобное действие. Таковы великая французская революция, революция 1848 года и отчасти наша революция 1905—6

годов. Другие имели более скромное значение. Но даже величайшие из великих революций никогда еще не имели для человечества такого колоссального значения, какое имеет нынешняя российско-украинская великая социалистическая революция. Даже героическая попытка парижских рабочих, в 1871 году поднявших красное знамя социалистической революции и провозгласивших парижскую коммуну, даже эта единственная в истории человечества попытка сбросить иго капитала и освободить труд не может быть сравнена с нашей революцией. И это потому, что прежде, во времена прошлых революций, хотя рабочий народ и стремился к своему освобождению от экономического рабства, но условия жизни были таковы, что это стремление довольно легко подавлялось господствующими богатыми классами. Раньше, до наших дней, рабочий класс города и деревни не являлся такой грозной силой, которая, подняв революционное восстание против богачей-эксплоататоров, могла бы разбить старую, для рабочаго народа каторжную, и построить новую, свободную, трудовую жизнь. И только после того, как господство и развитие капитализма в значительной степени подготовило почву для социалистической революции—стала возможной победа российско-украинского трудового народа над помещиками и капиталистами, возможной стала великая социалистическая рабоче-крестьянская революция на востоке Европы.

Наша революция—это небывалое еще в истории

человечества, колоссальное по силе, размаху и глубине восстание трудящихся против вековых угнетателей рабочего люда. Сейчас не на жизнь, а на смерть схватились в отчаянной борьбе труд и капитал. Восставший труд расбил цепи рабства и приступил к строительству новой социалистической жизни. Поэтому значение нашей революции для дела борьбы всего угнетенного и порабощенного человечества за полное освобождение труда—трудно измеримо.

Так как наша революция является еще небывалой попыткой рабочего люда освободиться из-под власти капитала, то поэтому вопрос о том, какие именно классы и группы активно и самоотверженно борются под красными знаменами социализма является вопросом глубокой важности. Особенно огромное значение имеет выяснение роли и значения в социалистической революции трудового крестьянства.

---

2. Как относились къ трудовому крестьянству социалисты прежде.

С тех пор, как социалисты перестали надеяться на осуществление социалистического строя путем добровольного отказа капиталистов от эксплоатации труда и поняли необходимость и неизбежность жестокой классовой борьбы за освобождение труда—они все надежды на победу связали с социалистической ак-

тивностью одного лишь рабочаго класса, пролетариата. Социалистические партии везде и всюду, за весьма малыми исключениями, стали рабочими партиями, социалистическое движение, главным образом, являлось рабочим движением. Правда, рабочий класс не везде и не всегда оказывался действительно активным борцом за социализм. Во многих случаях рабочие—пролетариат—как бы забывали главную свою задачу, борьбу за социализм, и удовлетворялись мелкими подачками капиталистов. Все это, однако, не устраняло того факта, что именно пролетариат являлся всегда основной силой социалистического движения.

Не удивительно, поэтому, что большая часть социалистов была уверена в том, что только один пролетариат всегда будет оставаться стойким борцом за социализм, и что только он сумеет победить буржуазию. А так как та же большая часть социалистов была уверена в том, что развитие капитализма, т. е. непрерывный рост заводов, фабрик, помещичьих экономий и других подобных буржуазных предприятий, поведет к тому, что пролетариат в недалеком будущем составит большую половину населения капиталистических стран, то неудивительно, что дело осуществления социализма эти социалисты считали исключительно делом пролетариата.

Все остальные классы социалисты считали или прямо враждебными делу социализма (буржуазия, помещики) или же по отношению к нему безразличными (мелкая буржуазия, мещанство, крестьяне).

Социалисты, конечно, прекрасно знали, что во многих странах крестьянство, и притом трудовое, рабочее крестьянство, составляет подавляющее большинство населения. Но они были уверены в том, что развитие капитализма в земледелии, т. е. рост и увеличение помещичьих и вообще частно-владельческих хозяйств (экономий), в недалеком будущем приведет к тому, что крестьянство на добрую половину перейдет в ряды рабочих, т. е. пролетаризируется. Уверенность эта была настолько велика, что большинство социалистов считало бесспорным предположение о том, что крестьянские хозяйства мало-по-малу исчезнут и на их месте останутся только помещичьи хозяйства. Когда это случится, говорили социалисты, когда крестьяне, во всяком случае их большая часть, перестанут существовать, как самостоятельные хозяева, и станут сельско-хозяйственными рабочими,—тогда они вместе с пролетариатом будут бороться за торжество социализма. Что же касается самого крестьянства, хотя бы и трудового, то, по мнению таких виднейших социалистов, как Энгельс, Каутский и другие, его придется постепенно втягивать в новую, социалистическую жизнь. Каутский особенно подробно писал о том, как пролетариат, победивший буржуазию и взявший в свои руки власть, различными мерами станет втягивать крестьян-хозяев в социалистические порядки. Наши русские социал-демократы, например, Ленин, Мартов, Плеханов и другие, на крестьянство всегда

смотрели так же, как и западно-европейские социал-демократы, т. е. никогда не признавали трудовое крестьянство классом, подобно пролетариату способным бороться за социализм. „Крестьяне—это мелкая буржуазия"—так всегда говорили наши эсдеки как большевики, так и меньшевики.

И лишь одни социалисты-революционеры доказывали, что трудовое крестьянство может и будет бороться за социализм вместе с пролетариатом. Однако, так как все доказательства эсеров не были проверены на практике, то взгляды их на крестьянство казались многим социал-демократам несоциалистическими, а мелко-буржуазными. Большинство социалистов всего мира разделяло взгляды социал-демократов, хотя за последние 10—15 лет во многих странах, особенно в Италии, во Франции и в Соединенных Штатах Америки социалисты все чаще и чаще стали говорить и писать о том, что трудовое крестьянство не так уже буржуазно, и что без него пролетариату справиться с буржуазией навряд ли удастся. В соответствие с такого рода взглядами социалисты многих стран изменили свою программу в духе большого внимания к нуждам и интересам трудового крестьянства.

3. Октябрьский переворот 1917 года.

Когда началась наша революция, т. е. начиная с марта 1917 года, трудовое крестьянство приняло в ней деятельное участие. Лозунг „земля и воля" об'единил трудовое крестьянство, которое стремилось к тому, чтобы забрать землю у помещиков, разделить ее в трудовое, уравнительное пользование и после этого постепенно заводить на земле новые порядки. Однако, крестьянство не сделало главного—не взяло власть в свои руки, а мирилось с тем, что у власти стояли помещики и буржуазия „соблаговолившие" разделять ее с такими промотавшими свою социалистичность демократами, каким являлись правые эсеры и меньшевики (Керенский, Чернов, Церетелли и др.). Поэтому и революция наша в первое время была не социалистической, а демократической,

Дело, однако, приняло совсем другой оборот в октябре 1917 года.

Рабочий класс еще в начале революции пробовал взять в свои руки власть. Но тогда, т. е. в марте—апреле, сила рабочих была еще слаба, а буржуазия была прекрасно организована и ей подчинялась чуть ли не вся армия. Точно также не имели успеха и последующие попытки рабочих сбросить власть буржуазии. Так, в июле месяце пролетариат Петрограда и некоторых других городов сделал героическую попыт-

ку установить власть советов. Однако, эта попытка снова не удалась. Правительство, исполняющее волю буржуазии, в потоках крови утопило восстание рабочего класса.

Отчего же рабочие оказались побежденными и раздавленными? Да только оттого, что их не поддержало трудовое крестьянство. Трудовое же крестьянство в то время все еще верило пустым обещаниям правых эсеров о том, что де Учредительное Собрание даст и землю и волю. Крестьяне тянулись к земле, но сразу взять ее в свои руки боялись и потому ожидали, „когда такой закон будет“. Но так как помещики и не думали расставаться со своими землями, а правые эсеры боялись испортить „коалицию“, (т. е союз, соглашение) с буржуазией—крестьяне так и оставались хотя и около земли, но без земли. Понятно, что это их волновало и революционизировало. К концу лета крестьянство все решительнее становилось на революционный путь, на путь „самовольного“ захвата помещичьих земель.

А тут подоспел октябрь. В конце октября рабочие сделали еще раз попытку захватить власть в свои руки. Так как к этому времени крестьянство, из которого состояло три четверти армии, твердо решило захватить землю в свои руки, то восстание рабочих увенчалось успехом. В октябре власть перешла в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Буржуазия была разбита. С этого момента наша революция приобретает совсем другой характер. Она становится трудовой

социалистической, рабоче-крестьянской революцией. У нас устанавливается советская социалистическая республика, т. е. такой государственный строй, какого до сего времени не знала ни одна страна, не видел ни один народ.

Победил труд, потерпел поражение капитал. Кто же одержал эту победу, одни ли рабочие или рабочие вместе с крестьянством? Я уже говорил о том, что в то время, когда рабочие поднимали восстания против буржуазно-демократической власти и их не поддерживало крестьянство—они терпели поражения. Когда же в октябре восстание рабочих было поддержано крестьянством—победа оказалась на стороне трудящихся.

Однако, можно ли только на основании того факта, что в октябре крестьянство поддержало восстание рабочих и помогло свергнуть власть буржуазии, передав ее в руки советов, можно ли только на основе одного этого факта говорить об активном участии трудового крестьянства в социалистической революции?

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо помнить о том, что ведь переход власти в руки советов не являлся только политическим переворотом. Ведь рабочий класс, взяв власть в свои руки, сейчас же приступил к социалистическому строительству. Так, советская власть сразу же об'явила уничтоженными все государственные долги России, забрала в свои руки большое количество заводов и фабрик, а

над всеми остальными установила рабочий контроль, уничтожила собственность на дома, отменила собственность на землю и приняла закон о социализации земли. Словом, советская власть сразу же приступила к постепенному переустройству жизни на социалистических основах. И вот эту-то программу социалистического строительства и поддержало трудовое крестьянство. Трудовая деревня не только не встала на защиту буржуазии и помещиков, но даже сама всячески помогла рабочему классу добить буржуазию, раз навсегда лишить ее возможности вернуть старые порядки. Трудовое крестьянство в борьбе с буржуазией и помещиками шло нога в ногу с пролетариатом.

Таким образом, когда явилась возможность на деле, на опыте проверить социалистическую активность трудового крестьянства, то выяснилось, что крестьянство готово поддержать пролетариат в его борьбе со старым, капиталистическим миром. Правда, трудовое крестьянство во всем и все время шло вслед за пролетариатом. Это, однако, вовсе не говорит о том, что оно неспособно бороться за социализм.

Когда в октябре власть перешла к советам—солдатские депутаты, из которых огромное большинство были крестьяне, энергично поддерживали депутатов-рабочих во всем, что касалось установления новых, социалистических порядков. Словом, трудовое крестьянство целиком поддержало социалистический переворот и вместе с рабочим классом пошло по пути

разрушения старого капиталистического строя и установления нового, социалистического.

---

4. Диктатура пролетариата и трудовое крестьянство.

После октябрьского переворота у нас устанавливается диктатура пролетариата. Хотя власть и находилась в руках советов рабочих и крестьянских депутатов, но в действительности доля участия крестьянства во власти была не велика. Фактически, на деле, власть была в руках пролетариата или, вернее, коммунистической партии, выступавшей от имени пролетариата.

Так как рабочий класс, пролетариат, наиболее последователен и энергичен в борьбе за социализм, то естественно он и взял на себя руководительство социалистической революцией. Пролетариат стал по своему плану перестраивать жизнь, разрушать порядок капиталистический и заводить новый, социалистический. По своему плану рабочие стали перестраивать также и народное хозяйство, в том числе и земледельческое, т. е. как раз то, в котором больше всего заинтересовано трудовое крестьянство.

В первое время, когда пролетарская диктатура не успела еще развернуться во всей ее широте, советская власть в земельном вопросе целиком выполнила требования крестьянства. Так, был принят на третьем Всероссийском с'езде советов основной закон

о социализации земли и продовольственная политика велась в крестьянском духе. Но по мере того, как росла сила пролетарской диктатуры, советская власть сходила с первоначального пути и в земельном вопросе брала новый курс.

Перед пролетарской властью стал такого рода вопрос: содействует ли делу борьбы за социализм уравнительное распределение земли или же эта „дележка“ земли, это „расхищение“ крупных экономий вредны для социалистической революции. Коммунисты решили этот вопрос так: социализация земли борьбе за социализм не содействует, потому что она оставляет крестьянина хозяином, собственником, а хозяйство его—частнособственническим. Сделав такой вывод, коммунисты повели земельную политику так, чтобы как можно меньше земли дать крестьянам и побольше ее ставить в распоряжение социалистического государства. В то же время они стали усиленно заботиться о „советских хозяйствах“, т. е. о бывших помещичьих экономиях, перешедших в распоряжение советской власти. Забота о советских хозяйствах, а также часто искусственное содействие росту не всегда жизнеспособных земледельческих коммун—вот тот путь, которым пошла советская власть в земельном вопросе. Понятно, что трудовое крестьянство не могло сочувственно отнестись к такого рода земельной политике советской власти. Ограничение доступа к земле трудовое крестьянство рассматривало, как нарушение его

интересов. А так как земельная политика коммунистов была ошибочна, то противодействие ей со стороны трудовой деревни никак нельзя назвать противосоциалистическим.

Откуда же, однако, видно, что земельная политика коммунистов ошибочна? Из очень многого, а между прочим и из их собственных признаний. Так, сами же коммунисты сознаются в том, что удержать земли от уравнительного распределения их между трудовыми крестьянами не удалось. Из всей отобранной у помещиков и богачей земли больше трех четвертей все же перешло в руки крестьян. Советские хозяйства надежд не оправдали: они везде и всюду плохо налажены, хозяйство в них ведется из рук вон плохо, пользы от них почти никакой. Коммуны также социализма в земледелии не могут ввести. Словом, помимо трудового крестьянства, без его участия и помимо его воли социализма в сельском хозяйстве не заведешь. Все это признали сами коммунисты. Они сделали было попытку силами и средствами рабочей диктатуры повернуть сельское хозяйство на социалистический лад. Но разве же это возможно сделать? Ведь если бы даже удалось завести хорошо поставленные советы хозяйства и земледельческие коммуны на одной четверти всей пригодной земли, то этого было бы очень мало, потому что осталось бы огромное количество крестьянских хозяйств, далеких от социалистического устройства. Другое дело, если их, эти крестьянские хозяйства

перестроить на социалистических началах, т. е. из единоличных, собственнических, сделать товарищескими, общественными. Но достигнуть этого устройством советских хозяйств и коммун нельзя.

Таким образом, хотя пролетарская власть в земельном вопросе и столкнулась с трудовым крестьянством, все же это столкновение вовсе не указывает на то, будто крестьянство пошло против социализма. Трудовое крестьянство лишь указало советской власти на ошибочность его земельной политики.

То же самое и в продовольственном вопросе. Советская власть попыталась было этот вопрос решить так, что трудовое крестьянство должно было давать хлеб, не получая взамен ничего. Конечно, когда идет жестокая борьба рабочей власти с контр-революцией, когда советскую республику враги ее окружили плотным кольцом со всех сторон,—в это время и трудовое крестьянство должно нести тяжести положения. Но в то же время надо не забывать и того, что трудовая деревня живет трудом, эксплоатацией не занимается и относиться к ней, как к буржуазии, нельзя. Трудовое крестьянство должно помочь рабочему люду в нынешних тяжелых условиях. Но если дело идет о помощи, то эта помощь должна быть взаимной. Продовольственное дело, следовательно, надо строить так, чтобы трудовое крестьянство при этом не страдало, и чтобы дело это было в его руках. И поскольку советская власть отступала от этого—трудовая деревня и в продоволь-

ственной политике советской власти не всегда относилась сочувственно. Но из этого опять-таки никак не сделаешь вывода, будто крестьянство противится осуществлению социализма.

Таким образом, в земельном и продовольственном вопросах, для трудовой деревни самых основных и близких, расхождения, а порой и прямые столкновения между трудовой деревней и советской властью, пролетарской диктатурой, об'ясняются не тем, что крестьянство не сочувствует социализму и отказывается налаживать социалистический строй, а главным образом ошибками или же излишней торопливостью советской власти. Во всяком случае на основании двухгодичного опыта пролетарской земельной и продовольственной политики ни в коем случае нельзя сделать выводов о противодействии трудового крестьянства стремлению пролетариата осуществлять социализм. На основании этого опыта можно сказать лишь одно: трудовое крестьянство всегда поддерживает пролетариат в тех его социалистических мероприятиях, какие возможно осуществить, а не только мечтать об их проведении в жизнь.

Трудовое крестьянство охотно поддерживало пролетарскую диктатуру в ее социалистических мероприятиях, поскольку ее политика не вела к разрушению хозяйства трудовой деревни. Об этом свидетельствует ответ нашей революции.

---

5. Пойдет ли трудовое крестьянство к социализму?

Трудовое крестьянство на опыте доказало, что оно не против социалистической революци. Оно охотно идет вместе с рабочим классом по пути разрушения старого капиталистического строя и замены его новым, социалистическим. На примере земельного вопроса мы видели, что трудовое крестьянство если и противилось хозяйственным планам советской власти, то только потому, что эти планы были ошибочны и для развития социалистической революции вовсе не полезны.

Но если ничего противосоциалистического в стремлениях трудовой деревни не наблюдается, то можно ли из этого факта сделать вывод о том, что трудовое крестьянство действительно стремится сейчас и постоянно будет стремиться к социализму?

Можно, потому, что для трудовой деревни иного выхода нет. Опять-таки из практики нашей революции видим, что трудовое крестьянство очень охотно идет на устройство товарищеского хозяйства. Трудовой крестьянин вовсе не стремится только к тому, чтобы увеличить свою собственность да укрепить ее. Крестьяне прекрасно понимают, что толку из „своего“ собственнического хозяйства много не выйдет. И они охотно об‘единяются в артели, товарищества, союзы для совместного ведения хозяйства. В советской России, например, артельные хозяйства растут очень бы-

стро. Но только крестьяне, как практики, люди дела, а не одних пустых слов, переходят к новому хозяйству, только семь раз примерив да все как следует расчитав. А так, необдумавши, торопясь, они хозяйство свое бросить не могут, потому что с голоду помереть не всякий согласится. Но если советская социалистическая власть всемерно помогала бы трудовому крестьянству переходить от единоличного хозяйства к общественному, если бы социалистическая республика это дело поставила бы на первый план и ему отдала бы как можно больше сил и средств, тогда переход трудовых крестьян от собственнического хозяйства к товарищескому принял бы огромные размеры. А это ли не путь к социализму? Правда, об этом легко только говорить, на деле же все это до крайности трудно. Но ведь и та „коммунизация" сельского хозяйства, какую так неудачно пытаются проводить товарищи-коммунисты, точно также на деле дает не толк, а безтолочь.

Такие социалисты, как Энгельс, Каутский и др., совершенно правильно говорили о том, что крестьянство не так-то скоро перейдет от своего собственнического хозяйства к общественному. Мы это видим теперь на деле. Это, однако, не должно нас пугать. Социалисты должны твердо помнить, что путь к социализму очень труден и сложен. Из собственнического крестьянского хозяйства товарищеского, коллективного земледелия в один десяток лет не создашь. Глав-

ное же—не создашь против воли и желаниям самого трудового крестьянства. А раз так, то приходится мириться с тем, что трудовая деревня очень туго идет на путь социализации земледелия. Важно одно—лишь бы она не шла в сторону от социелизма, лишь бы не противилась переустройству жизни на социалистических основаниях. Этого в крестьянстве нет. Нет, правда, и большей энергии в деле переустройства жизни. Но ведь и рабочие, пролетариат, также не всегда и не везде так героически борются за социализм, как у нас теперь, во время социалистической революции. В самом трудовом крестьянстве также не все одинаково относятся к социализму. Те, кто побогаче, да посильнее—больше на словах соглашаются с тем, что нужно товарищеское хозяйство заводить. Зато бедняки, которым хозяйничанье в одиночку ничего, кроме нужды да нищеты не принесло,—очень охотно идут на это дело. Но опять-таки очень часто они ничего сделать не могут, потому что такое большое дело требует для своего выполнения очень многого. Разве мало было таких случаев, когда бедняки какого-нибудь села об'единялись в товарищество для совместного ведения хозяйства да тут же и бросали это дело, потому что помощи со стороны, от советской власти, не получали, а своих сил не хватило.

Все это указывает вот на что: трудовое крестьянство к социализму идет и итти будет, но только в том случае, если, во-первых, оно само в своих руках будет

держать это дело; во-вторых, если рабочие, пролетариат, по-товарищески помогут ему в этом деле. Рабоче-крестьянская власть, или как говорят—диктатура трудящихся классов, должна указывать трудовому крестьянству практический путь к социализму и в то же время помогать ему итти этим путем. При таких условиях трудовое крестьянство будет пролетариату настоящим товарищем в борьбе за социализм. При таких условиях не будет того, что было, да отчасти и сейчас еще наблюдается у нас,—не будет расхождений в путях пролетариата и трудового крестьянства. Не будет потому, что и тот и другой станут не на словах и в декретах, а на деле, в жизни осуществлять социализм.

Трудовое крестьянство к социализму пойдет. К этому его сама жизнь вынуждает. Вопрос весь только в том, каким путем и как быстро оно может это делать. Чтобы облегчить этот путь и ускорить переход крестьянского хозяйства от единоличной формы к общественной—нужно руководительство в этом деле советской власти. Но только руководительство, а вовсе не командование.

---

6. Земледельческие страны и социалистическая революция.

Если когда-то прежде социалисты были уверены, что к моменту социалистической революции крестьян-

ства останется очень немного, большая же часть его пролетаризируется, т. е. перестанет быть самостоятельными хозяевами, утеряет свой клочек земли и пойдет внаймы к помещикам и капиталистам, то теперь мы на деле видим, что такого рода надежды не оправдались. Во многих странах, например, в Италии, в Венгрии, Болгарии, Дании, Франции, Ирландии, Индии, Китае, в Северной Америке и во многих государствах южной—везде крестьянство составляет большинство населения. Возьмем Италию. Эта страна имеет слабо развитую промышленность, но зато сельское хозяйство в ней стоит высоко. И притом хозяйство не помещичье, а трудовое крестьянское. Тоже надо сказать относительно Дании, Ирландии, Венгрии, Баварии и вообще чуть ли не всех стран Европы, Азии и Америки. Крестьянство во всех этих странах составляет такую колоссальную силу, от которой, конечно, будет зависить очень и очень много в развитии социалистической революции. В самом деле, когда вспыхнет социалистическая революция, допустим, в Италии, трудовое крестьянство, как то было у нас, его поддержит. Рабочие вместе с крестьянством возьмуть власть в свои руки и образуют советскую итальянскую республику. А дальше что? Смогут ли сами итальянские рабочие, без трудового крестьянства, продолжать социалистическую революцию, доводить ее до конца? Конечно же, нет, конечно, же не смогут. Без трудового крестьянства пролетариат Италии закрепить свою победу над бур-

жуазией не сможет. Ну, а раз пролетариату нужна будет помощь крестьянства—ясно, что ему придется вести дело так, чтобы интересы трудового крестьянства были удовлетворены. Иначе крестьянство не пойдет вместе с рабочими. Словом, социалистической власти придется брать, как говорят, крестьянский курс, т. е. и в Италии и во всякой иной земледельческой стране (а таких—большинство на белом свете) придется повторять то же самое, что произошло у нас. И если пролетариат тех земледельческих стран, где вспыхнет социалистическая революция, не примет во внимание опыт нашей революции, если, допустим, в Дании, во Франции, в Баварии и во всякой другой стране рабочие будут стремиться к тому, чтобы пролетарская диктатура диктовала свою волю трудовому крестьянству, навязывала ему способы перехода к социализму в земледелии—дело революции от этого только проигрывало бы. А так, как на свете очень немного стран, где рабочие, пролетариат, находятся в большинстве, то ясно—везде и всюду социалистическая революция будет происходить под сильнейшим влиянием трудового крестьянства. Можно даже опасаться того, что в некоторых странах крестьянство не так охотно пойдет вместе с пролетариатом по пути социалистической революции, как идет наше трудовое крестьянство. Например, в Венгрии и в Баварии—странах земледельческих главным образом—уже была попытка пролетариата взять власть в свои руки и начать

социалистическое строительство. В Венгрии советская власть даже сумела три месяца продержаться. Но так как трудовое крестьянство не успело толком эту власть узнать, и власть советская не успела связаться прочно с трудовой деревней—Красная Венгрия не устояла и пала под урадом румынских бояр и собственных помещиков. В Баварии вышло не лучше: там пролетариат еще меньше был связан с крестьянством, почему его успехи были еще незначительнее.

Таким образом, сейчас существует такое положение, когда социалистическая революция свой успех должна строить на добрую половину на готовности трудового крестьянства не только поддержать рабочий класс в его борьбе с буржуазно капиталистическим миром, но и самому принять в этой борьбе деятельное участие. Если же такого рода расчеты отбросить в сторону—возникает сильное сомнение в том, сможет ли дело социализма одержать полную победу.

7. Диктатура пролетариата или диктатура трудящихся?

На примере нашей революции видно, как может пойти развитие социалистической революции в других странах. У нас, как известно, руководящей силой в революции является пролетариат. Он в течение двух лет неизменно выступает, как организатор и вождь

революции. Власть фактически, на деле находится в руках рабочаго класса. Пролетариат по своему решает все задачи социалистической революции. Что же касается крестьянства, то в отношении к нему пролетариат в разное время держит себя различно. Так, сразу же после октябрьского переворота, когда пролетариат еще не был уверен в своих силах и был плохо организован он стремился связаться плотнее с трудовой деревней и заручиться ее поддержкой и содействием. В то время большевики согласились на социализацию земли, разделили власть с левыми эсерами и вообще старались как можно больше удовлетворить деревню. Но когда пролетарская власть несколько окрепла и достаточно сорганизовалась—положение изменилось. Коммунисты решительнее заговорили и том, что де крестьянство со своей „уравнительной дележкой" (т. е. с социализацией земли) тянет революцию в „мелкобуржуазное болото", задерживает развитие коммунизма в земледелии и т. д. Правда, все эти разговоры так и остались разговорами, потому что попытки „коммунизма" земледелия (советские хозяйства, коммуны, национализация земли) ни к чему не привели. Но все же они посеяли между трудовой деревней и советской властью недоверие, а порой даже вражду. Убедившись в том, что „коммунистический" режим в трудовой деревне не приводит к положительным результатам, коммунисты на восьмом с'езде своей партии снова приняли постановление о „союзе с серед-

някоми", т. е. трудовым крестьянством. На деле этого союза осуществить коммунистам так и не удается, но все же коммунисты к нему стремятся вполне определенно. И вовсе не потому стремятся, что они хотят защищать интересы трудового крестьянства, а только потому, что иного выхода нет. „Пролетарский" путь социалистической революции оказывается путем нежизненным и потому неприменимым. Пролетарская диктатура, возможно, сумеет утвердиться в таких странах с высоко развитой промышленностью, как Англия, Бельгия, Германия и т. д. Там, где пролетариат составляет половину населения или около того—он представляет такую грозную силу, такую организованную величину, что сможет исключительно на собственных плечах вынести все тяготы социалистической революции. В таких стран пролетарская диктатура, возможно, и удержится. В большинстве же других стран, попреимуществу земледельческих, диктатура эта удержаться не может, потому что в этих странах пролетариат не настолько многочисленен и силен, чтобы без содействия трудового крестьянства справиться с задачами социалистического строительства. Поэтому в таких странах неизбежно должно произойти перерождение пролетарской диктатуры в диктатуру трудящихся, т. е. рабочих и трудового крестьянства совместно. Диктатура эта, подобно пролетарской, возьмет на себя задачу социалистического строительства. Но она существенно отличается от про-

летарской в следующем. Пролетарская диктатура намечает пути к социализму наиболее совершенное, лучшее, но зато почти или даже совсем недоступные таким земледельчески-крестьянским странам, как Россия, Украина, Румыния, Италия и другие. Взять хотя бы земледелие. Конечно, было бы очень хорошо, если бы возможно было быстро и безболезненно перестроить все сельское хозяйство на товарищеских, коллективных началах, т. е. установить в земледелии социалистические порядки. И когда коммунисты стремятся к тому—они выполняют задачи социалистической революции. Но если они пытаются задачу обобществления сельского хозяйства разрешить по своему, не считаясь с условиями земледельческой страны—они окажутся безсильными. У нас так оно и получилось. В самом деле, вот пробовали было коммунисты бороться против уравнительного распределения земель, против социализации земли, а на деле вышло так, что Советская власть в Великороссии вынуждена была пустить в уравнительное распределение пять шестых всех отобранных у владельцев земель. Пробовала было пролетарская власть организовать государственное земледелие,—однако, из советских хозяйств так ничего путного пока что не получается. Словом, там, где пролетарская диктатура пробует справиться с внешними условиями, ей неблагоприятными, она оказывается безсильной в том случае, когда вместе с пролетариатом не выступает и трудовое крестьянство.

Таким образом, не только теоретические соображения, но и опыт нашей революции убеждает в том, что в земледельческих, слабо развитых в промышленном отношении странах, пролетариат неизбежно должен разделять власть с трудовым крестьянством. Следовательно, в земледельческих странах может установиться не диктатура пролетариата, а диктатура трудящихся классов.

У нас, например, коммунисты все время пытаются сохранить диктатуру пролетариата. Они если и говорили о союзе с трудовым крестьянством, то только в том смысле, что крестьянство должно во всем поддерживать пролетарскую диктатуру. Не удивительно, поэтому, что коммунисты, не учитывающие условий жизни, не берущие в расчет обстановку нашей, крестьянски-земледельческой страны, в конце концов вынуждены менять свою тактику. Жизнь заставляет их фактически, на деле, делить власть между рабочими и трудовым крестьянством. Диктатура рабочих и трудового креетьянства, направленная против буржуазии как крупной, так и той мелкой, мещанско-торговой и ремесленной, какой так много скопилось в городах—вот путь, которым неизбежно пойдет в дальнейшем наша революция. И не только наша, но точно также и всякая иная социалистическая, революция во всякой иной земледельческп-крестьянской стране. Такова уж обстановка, таковы условия, против которых бессильны всякие коммунистические рецепты.

В земледельческих странах трудовое крестьянство—основная сила социалистической революции, сила мало организованная и малоподвижная, нуждающаяся в пролетарском руководстве. В таких странах пролетариат, промышленные рабочие, брать на свои плечи все задачи социалистической революции не могут—это им не под силу. Разделение труда и власти, при сохранении за пролетариатом руководящего значения—вот единственно правильный путь социалистической революции в крестьянски-земледельческих странах, путь диктатуры трудящихся, пролетариата и трудового крестьянства.

136

163